

Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд

Аннотация. Фиксируя ситуацию доктринального отставания в освоении проблемы фактического воспитания несовершеннолетнего, автор обращается к ее исследованию с позиций инструментального подхода. На феноменологическом уровне теоретическому анализу подвергнуты сущностные признаки фактического воспитания: неявность как социального явления, казуистичность, неоднородность социальных поводов для возникновения, явочная добровольность, безвозмездность, непрозрачность круга фактических воспитателей, сохранение непрерывной связи с семьей ребенка, отсутствие юридической связанности с моментом возникновения и прекращения этого вида фактических отношений. На междисциплинарном уровне исследуется внеправовая грамматика фактического воспитания с включением в сферу исследования тесно связанных с ним других социальных явлений, конструкций и институтов, обеспечивающих адекватное научное восприятие этой теоретической конструкции в юриспруденции. Используя политико-правовой подход, дополняющий традиционный догматический подход к исследованию проблемы фактического воспитания, автор преследует цель расширить доктринальные границы решения проблемы фактического воспитания в ее правовом ракурсе, создавая предпосылки для будущих исследований темы в условиях ее методологической подготовленности. Авторские выводы по результатам исследования основаны на том, что правовая проблема фактического воспитания лежит в лоне проблематики семейного воспитания, а не между семейным воспитанием и формами учрежденческой защиты детства, как это нередко позиционируется в науке семейного права. Нормативность отношений по семейному воспитанию ребенка, обеспечиваемая за счет многочисленных актов международного права по вопросам детствосбережения, национальных конституционных норм, а также адресно воспроизводимая на уровне принципов семейного законодательства, общих положений отдельных институтов и конструкций, не позволяет однозначно утверждать, что сегодняшнее законодательное отношение к фактическому воспитанию никак не согласовано с семейно-правовой догматикой.

Ключевые слова: фактическое воспитание; родительское попечение; основные начала семейного законодательства; семейное воспитание; сводное родительство; права и обязанности родителей; надлежащее воспитание; инструментальный подход; феноменологический и междисциплинарный уровни исследования; политико-правовой подход; семейно-правовая догматика.

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 6. — С. 018-032. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.163.6.018-032.

© Комиссарова Е. Г., 2020

* Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, Россия, 614990
eg-komissarova@yandex.ru

The Problem of Actual Parenting: A Methodological View

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Institute of the State and Law, Tyumen State University
ul. Bukireva, d. 15, Perm, Russia, 614990
eg-komissarova@yandex.ru

Abstract. Fixing the situation of doctrinal backlog in the development of the problem of actual parenting of a minor, the author explores the problem from the perspective of the instrumental approach. At the phenomenological level, the essential signs of actual upbringing are subject to the theoretical analysis. These signs include: implicitness as a social phenomenon, casuability, heterogeneity of social reasons for emergence, apparent voluntariness, gratuitousness, opacity of the circle of actual educators, preservation of continuous communication with the child's family, lack of legal connection with the moment of emergence and termination of this type of actual relationship. At the interdisciplinary level, the extra-legal grammar of actual parenting is investigated with the inclusion of other social phenomena, structures and institutions closely related to it, providing reasonable scientific perception of this theoretical construct in jurisprudence. Using the political-legal approach complementing the traditional dogmatic approach to the study of the problem of actual parenting, the author aims to expand doctrinal boundaries of the solution of the problem of actual parenting in its legal perspective, creating prerequisites for future research of the topic in the context of its methodological preparedness. The author's findings are based on the fact that the legal problem of actual parenting lies in the bosom of the problems of family education rather than between family education and forms of institutional protection of children, as is often seen in the family law doctrine. The normative nature of relations in the field of the family upbringing of a child, ensured through numerous acts of international law on child saving, national constitutional norms, principles of family law, general provisions of individual institutions and structures, does not make it clear that today's legislative attitude to actual parenting is in no way consistent with the family law dogmatics.

Keywords: actual parenting; parental care; fundamentals of family legislation; family education; foster parenthood; rights and obligations of parents; proper education; instrumental approach; phenomenological and interdisciplinary levels of research; political-legal approach; family law dogmatics.

Cite as: Komissarova EG. Problema fakticheskogo vospitaniya rebenka: metodologicheskiy vzglyad [The Problem of Actual Parenting: A Methodological View]. *Lex russica*. 2020;73(6):18-32. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.163.6.018-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Конструкции фактического воспитания, направленной на позитивное регулирование отношений между воспитателем и воспитанником, в действующем семейном законодательстве нет. Есть законодательно санкционированные понятия «фактическое воспитание», «фактический воспитатель» и «воспитанник» (п. 1 ст. 96 СК РФ) и дополняющее их линейку понятие «надлежащее воспитание» (п. 2 ст. 96 СК РФ). Для целей применения этой нормы сформулировано определение фактических воспитателей, зафиксированное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства, при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов на несовершеннолетнего ребенка»¹ (далее —

Постановление № 56). В абзаце 1 п. 50 этого Постановления указаны лица, которые могут быть фактическими воспитателями несовершеннолетнего: родственники ребенка, лица, не состоящие с ним в родстве, которые осуществляли воспитание и содержание ребенка, не являясь при этом усыновителем, опекуном (попечителем), приемным родителем или патронатным воспитателем ребенка.

Так, сегодня представлена догматическая определенность процессуальной стороны проблемы фактического воспитания ребенка, указывающая на права фактических воспитателей быть получателями алиментных платежей от фактического воспитанника, если они не могут получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов).

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

Вопросом о необходимости принять регулятивные статичные нормы, которые были бы направлены на регулирование непосредственно «воспитательных» отношений с участием фактических воспитателей и воспитанников, не единожды задавалась и продолжает задаваться семейно-правовая наука, время от времени проявляющая юридическое беспокойство по поводу их отсутствия².

На научно-теоретическом горизонте проблема не самая масштабная, однако заметная. Последнее качество ей придает стереотипность подходов, не без влияния которой в науке семейного права сформировалась «монопозиция» во взглядах на то, что юридическая конструкция фактического воспитания в сфере материального позитивно-правового регулирования должна быть. Все авторы, в той или иной мере прикоснувшиеся к этой проблеме, выступают оппонентами современного законодателя, призывая его к преодолению правовой бесформенности юридического статуса фактического воспитателя. Сторонников неудовлетворенности таким положением намного больше, чем тех ученых, которые принимают такое положение соответствующим действующему правопорядку. Последних либо нет, либо они «по-научному» молчат.

Подобная научная солидарность вызывает как минимум настороженность, рождая вполне естественный вопрос о том, что стоит за ней: достигнутое доктринальное согласие в части признания законодательной неправоты или что-то иное?

Оба этих основания подлежат научной аналитике, что, однако, не является простой задачей в силу того, что проблема фактического

воспитания ребенка давно и надежно имеет статус попутной или затрагиваемой «вскользь». Научные суждения по ней практически всегда «гнездятся» в пределах какого-то более общего вопроса, разделяя его судьбу³, находясь где-то на границе исследований, посвященных естественному семейному воспитанию и как бы семейному воспитанию детей, лишенных родительского попечения.

Подобное позиционирование тематики в общем юридическом дискурсе детства придает ей некий оттенок второстепенности, лишая авторов необходимости помыслить о том теоретически дисциплинированном русле, которое способно обеспечить процессу научного познания проблемы известность доктринальных подходов к ней, а также исследовательских уровней и методов. Иное, как показывает сегодняшнее научное состояние проблемы, больше напоминает безоружный штурм законодательных баррикад с призывами вывести отношения по фактическому воспитанию из существующего малоформатного нормативного состояния. Такие радикальные приемы не только не обеспечивают желаемой динамики накопленного по проблеме научного знания, но и дают основания считать, что ее исследование обрело центробежный характер, развиваясь по типу «из самого себя». Каждая новая публикация по теме — это не столько желаемый для каждого научного знания выход за пределы уже известного по вопросам фактического воспитания, сколько результат организационно-мыслительного процесса, направленного на преобразование уже имеющегося научного знания по проблеме фактического воспитания,

² Короткова Л. П. Правовой статус фактических воспитателей // Правоведение. 1983. № 3. С. 82—85 ; Воронина З. С. Институт фактического воспитания в семейном праве // Правоведение. 1992. № 5. С. 98—102 ; Герасимов В. Н. Приоритет семейного воспитания как принцип семейного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Манакова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26—42 ; Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве. М. : Юстицинформ, 2018 ; Усачева Е. А. Социальное отцовство (материнство): постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 115—120.

На самом деле ряд сторонников догматической определенности этого вида отношений намного длиннее за счет включения в него авторов учебной литературы и комментариев к ст. 96 СК РФ.

³ Не исключено, что это отголоски ранее принятого государственного подхода к проблемам семейного воспитания, при котором вопросы семейного воспитания обычно были частью социальной или демографической политики государства. В настоящее время ситуация изменилась. См.: Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // СЗ РФ. 2015. № 2. Ст. 3357 ; Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства : распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2018 г. № 1375-р // СЗ РФ. 2018. № 29. Ст. 4475.

но не его развития. Не без этого, на наш взгляд совершенно безосновательно, наука начала создавать расширенные перечни лиц, которые юридически вправе быть носителями статуса фактического воспитателя⁴.

Эта не совсем эволюционная научная тактика постепенно выхолостила научную разметку темы, привнеся в нее многочисленные маркеры сущего и прагматического, не ориентированного на поддержку научной актуальности. Отсюда и состояние проблемы: оппонентов у нее фактически нет, а значит, нет и конкуренции концепций, методов, способов теоретического описания проблемы. В стремлении возбудить эту самую конкуренцию, которая позволит пойти по пути создания нового прогрессивного, то есть обращенного в будущее, знания по проблеме фактического воспитания ребенка, во благо научной динамики знания уже существующего автор обращается к заявленной теме, обнажая те ее аспекты, которые нуждаются в методологической подготовленности.

Подходы, уровни и методы исследования проблемы

Необходимость осознанного методологического подхода в теории права обычно обнаруживается в двух случаях: когда есть понимание полной неосвоенности теоретического поля конкретной теоретической проблемы или когда по проблеме накоплен некий доктринальный задел, но переход количества научных знаний в их качество не происходит, в связи с чем нет ощущения развития научного знания по проблеме. Как следствие, появляется необходимость обратить

внимание на инструментальную сторону таких исследований. Теоретическая проблема фактического воспитания ребенка из предпосылок второго разряда.

Нельзя сказать, что наука семейного права находится в стороне от процесса постижения методологических ценностей. Исследования по этой проблематике здесь есть⁵. Однако пока они относятся лишь к философско-методологическому слою — тому, который предписывает юриспруденции и ее предметным отраслям обращаться к познанию «самих себя»⁶. Применительно к исследованию конкретной теоретической проблемы нас интересует инструментально-методологический слой. Тот, в котором заключены инструменты, дающие возможность увидеть гносеологические границы исследования и его ориентиры. Обычно этот инструментальный набор состоит из подхода, уровней, методов, принципов исследования.

Находясь в теоретической уверенности, что отношения фактического воспитателя и воспитанника никак не направляемы правом, доктрина остановилась на мысли о том, что сегодняшнее законодательное отношение к фактическому воспитанию никак не согласовано с семейно-правовой догматикой. Причины такого уровня понимания проблемы фактического воспитания разнятся. В их числе: «отсутствие устойчивых взаимоотношений и определенного правового положения субъектов фактического воспитания»⁷, правовая неопределенность положения фактического воспитателя по отношению к воспитаннику⁸, негативное отражение на правах и интересах детей, воспитываемых фактически⁹, необоснованное и существенное различие в правах и обязанностях фактических

⁴ Батурина Н. И., Медведева И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД РФ. 2018. № 1 (44). С. 48.

⁵ Косенко Е. В. Средства и методы научного познания семейного права // Вестник Пермского университета. Серия : Юридические науки. 2015. С. 107—115 ; Левушкин А. Н. Методология науки семейного права // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. научных статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2016. С. 116—126 ; Левушкин А. Н., Чепурная К. А. Методология исследования брачно-семейных отношений // Юридическая наука и практика. 2016. № 1. Т. 12. С. 73—78.

⁶ Подробнее о структуре научной методологии см.: Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2019. С. 11.

⁷ Короткова Л. П. Указ. соч. С. 82.

⁸ Манакова Р. П. Указ. соч. С. 35 ; Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. СПС «Гарант», 2018.

⁹ Воронина З. И. Правовые формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 1.

воспитателей, опекунов (попечителей) и приемных родителей¹⁰, отсутствие любого публичного контроля за осуществлением родительских прав и обязанностей фактическими воспитателями¹¹. Однако теоретический итог воспроизведения этих причин, которые в большинстве случаев одновременно выполняют и роль научного обоснования, универсален: фактическому воспитанию для решения его проблем требуется право со всей его формально-догматической силой.

Естественным итогом согласительных научных намерений ученых, направленных на «требование права» для решения обозначенных проблем фактического воспитания, должен стать следующий научный шаг в виде теоретического построения полноразмерной юридической конструкции фактического воспитания, которая могла бы заинтересовать законодателя. Ведь референты таковой в существующей семейно-правовой действительности отсутствуют. Но такая конструкция доктриной не предлагается и каких-либо теоретических суждений о ее соотношении с уже существующими регулятивными конструкциями «про детство» также не высказано. Существует лишь понемногу уходящее «в дрему» убеждение в том, что единственно верным решением сегодняшних юридических проблем фактического воспитания будет догматическое решение.

Необходимость теоретической достройки имеющегося знания очевидна. Эта очевидность становится одной из причин, побуждающих актуализировать проблематику фактического воспитания через постановку задачи ее методологической подготовленности. Ее решение обеспечит постановку научной проблемы не столько в рациональном, как сейчас, ракурсе, сколько в теоретическом (подход), обяжет сформулировать основные идеи ее предстоящего научного постижения (уровни), изыскать способы ее познания (конкретные методы исследования). Переход на такой — инструментальный — уровень исследования позволит как внести необходимые корректировки в содержательное наполнение поставленной проблемы, так и расширить гносеологические границы ее познания.

В силу неопределенности в формулировке научной проблемы сформулируем ее вопросительно-исключительно для целей определенности: целесообразно и справедливо ли с научной точки зрения оставлять отношения по фактическому воспитанию без позитивного правового регулирования, не привнося в действующее семейное законодательство новых юридических сущностей, кроме тех, которые уже существуют применительно к алиментным отношениям, или есть другие пути ее теоретического решения? Укрепим желаемую определенность в постановке проблемы пусть и очевидной, но в данном случае необходимой оговоркой о том, что речь пойдет о фактическом воспитании ребенка не как о житейском явлении или пласте социальной действительности, а как о явлении научном и законодательном, исследовательская тактика которого может быть ориентирована на должное.

Известность отправной точки любого исследования позволяет вносить в процесс научного познания другие необходимые для него координаты в виде уровней (и методов) исследования. Одним из исследовательских уровней проблемы фактического воспитания должен стать феноменологический.

Феноменологические сущности фактического воспитания обычно остаются без внимания фамилистов, ограничиваясь простейшей интерпретацией заключенного в п. 50 Постановления № 56 перечня лиц, которые названы в качестве фактических воспитателей (абз. 1), и условий возникновения односторонних алиментных отношений (абз. 2). Классический образец такой интерпретации, вне связи с п. 48 Постановления № 56, выглядит следующим образом: это лица, которые осуществляли воспитание и содержание ребенка, не будучи обязанными к этому в силу закона, как правило, не менее пяти лет. Бабушки, дедушки, братья и сестры могут быть признаны таковыми лишь в силу того, что на них не возложена обязанность по воспитанию своего родственника¹².

Ввиду отсутствия в современной юриспруденции полноценного феноменологического анализа теоретической конструкции фактического воспитания обратимся к исходным

¹⁰ Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Статут, 1999. Т. 3. С. 480.

¹¹ Татаринцева Е. А. Фактическое воспитание как основание возникновения семейных правоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Право. 2014. № 4. С. 116.

¹² Гуляева Н. И. Семейно-правовое регулирование отношений между ребенком и другими членами семьи, не являющимися его законными представителями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7.

доктринальным идеям, с которых в истории началось осознание сущностей фактического воспитания с одновременным определением правовых границ его законодательного оформления.

Так уж сложилось, что наиболее ярко эти моменты отражены в объяснениях к проекту Гражданского уложения Российской империи¹³, авторы которых, пусть не до конца точно в силу неокончательной разделенности фактического воспитания и разных форм узаконения детей, анатомировали желаемые социальные и юридические сущности фактического воспитания, сохранившие свою актуальность и сейчас. Из-за слабой изученности судьбы данного социального явления в имперский период истории эти сущности не отыскиваются столь явно в современных юридических дискурсах, что и обусловило «оборот на историю» в этом вопросе, который, на наш взгляд, может помочь снять часть сегодняшних доктринальных заблуждений по проблеме фактического воспитания несовершеннолетнего.

Вся история фактического воспитания — это по сути своей многотрудный, не слишком последовательный и во многом идущий «на ощупь» процесс его отпочкования от других форм семейной и социальной поддержки «заброшенных» и «незащищенных» детей, от других форм сначала содержания, а потом и воспитания ребенка, в том числе учрежденческих, зародившихся в нормах приказного полицейского права.

Одним из первых законодательных актов, попытавшихся как-то отделить явление фактического воспитания от других форм, стал проект Гражданского уложения Российской империи с его гл. V книги второй «Семейственное право»¹⁴. Ко времени его составления категория детства как особого качественного состояния человека уже была открыта. Глава V, именуемая «Приемыши», заключала правила о приемных детях, часть из которых вошла в историю, отражая законодательное видение проблемы фактического воспитания ребенка. Так, кроме

детей, лишенных родительского попечения, в качестве приемышей могли быть взяты «другие лица... лишь с согласия их родителей». Как поясняли составители проекта, это лица, «добровольно взятые в семейственный союз, с оказанием им попечения подобно родительскому». Воспитатель не пользовался правом представительства несовершеннолетнего приемыша и управления его имуществом, если не был назначен опекуном или попечителем¹⁵.

Последующие сущностные признаки этого вида отношений между «приемышем, взятым на воспитание с согласия родителей», и воспитателем убедительно раскрыты в объяснениях (мотивах) к ст. 476 гл. V. Как указывали авторы объяснений, «взятие приемыша совершается в качестве благодеяния и попечение о нем не только безвозмездно, но и затраты на него производятся безвозвратно». Такое положение ближе к родительскому, отсюда и уподобление приемыша родным детям воспитателя. Он входит в его семью и наравне со всеми пользуется родительской попечительностью. Для воспитателя эта обязанность становится чисто нравственной, лишаясь юридической гарантии. При этом следует помнить, что все положения об отношениях между родителями и детьми (или большинством их) имеют своим первоначальным основанием начала нравственности, к которым лишь впоследствии присоединились юридические соображения¹⁶.

Не стоит отрицать, что наличие норм о приемных (сводных) детях во многом было предписано «убеждениями своего времени», служившими наиболее важной поддержкой для составителей проекта, в связи с чем свою главную опору в определении их содержания они нашли в итоге в нормах дореволюционного наследственного законодательства, аналог которых есть и в современном российском законодательстве (ст. 96 СК РФ). Однако дело не только в этом. Для целей настоящей статьи необходимо отметить тот факт, что в мир этого исторического периода, не без влияния европейских цивилизаций, пришли идеи гу-

¹³ Прибавление к проекту Гражданского уложения : Введение к составленному Высочайше учрежденной Редакционной комиссией проекту Гражданского уложения и Краткие объяснения изменений, последовавших в тексте статей при сводке пяти книг проекта Гражданского уложения. СПб., 1906. С. 40.

¹⁴ Гражданское уложение : проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объясн., извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова. СПб. : Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. Т. 1. С. 379.

¹⁵ Гражданское уложение : проект ... С. 379.

¹⁶ Прибавление к проекту Гражданского уложения ... С. 37.

манизма и понимания того, что ребенок — это самостоятельная личность. Благодаря этому и были сформулированы исходные идеи фактического (приемного) воспитания: добровольность, бескорыстие, сильные нравственные начала, аналог естественных родительских связей, отсутствие «юридических соображений». При востребованности последних (например, необходимость осуществления представительской функции в интересах воспитанника¹⁷) отношения по фактическому воспитанию могут перерасти в учрежденческую, то есть юридическую, форму, каковой являются опека и попечительство.

Эта проектная, но все же правовая форма манифестации основополагающих идей фактического воспитания существенно поблекла в современном восприятии его теоретической конструкции, отодвинув на задний план самые значимые ее феноменологические сущности: добровольность принятия функций фактического воспитателя, безвозмездность намерений лица, принимающего на себя функции воспитателя, отсутствие юридической связанности с моментом возникновения и прекращения этого вида фактических отношений.

Однако же наиболее значимым признаком фактического воспитания, без которого вышеназванные сущности теряют свой смысл, является тот, что функции этого социального явления не связаны с разрывом естественной родительской связи, они продолжение и развитие естественного семейного воспитания.

Историческим законодателем эта конструкция была задумана в качестве элемента семейного воспитания ребенка, сегментом естественного семейного существования ребенка. Позиция юридического невмешательства — это следствие бескорыстия такого воспитания, исключительной добровольности намерений воспитателя, который заранее знает границы своего участия в этом воспитании, а потому не рассчитывает на юридическое сопровождение.

Нет никаких препятствий для такого понимания сущностей фактического воспитания и сейчас.

Социальное назначение этого явления, не связанного с ситуациями детского неблагополучия, дает все основания считать, что оно встроено в более масштабную проблему эффективности норм позитивного права, направленных на регулирование отношений по семейному воспитанию в целом, отражая социальный настрой государственной политики в вопросах семьи и детствосбережения.

В этих отношениях законодатель видит вариант нормы, внутренний позитивный ресурс каждой конкретной семьи, реализация которого не связана с критическим для детского благополучия положением. Свое начало этот ресурс берет именно в семье, а также в тесно связанных с ней околосемейных узах. Вне зависимости от всей множественности причин возникновения таких отношений между воспитателем и воспитанником эти отношения в их должном (а не сущностном) восприятии несут собственный социальный потенциал, концентрируя в себе семейные ценности. Перечень таких ценностей в современной науке семейного права, не без влияния других дисциплинарных сфер, значительно расширился. Так, в одном из недавних юридических исследований в их числе поименованы: взаимная любовь и взаимное уважение, понимание членами семьи друг друга, взаимное согласие, забота членов семьи друг о друге, справедливость, здоровье, жизнь, образование; взаимное решение вопросов семейной жизни; благополучие членов семьи; семейный интерес, семейное правосознание и семейное мировоззрение; продолжение здорового рода; сохранение семейных традиций, отвечающих общечеловеческим ценностям, и передача их новому поколению; ведение быта всеми членами семьи; сохранение семьи, укрепление ее нравственной, физической, психической, духовной, интеллектуальной основ; установление и укрепление связей с другими социальными образованиями; осознание ответственности перед семьей, обществом и государством¹⁸.

Вряд ли отыщутся такие аргументы, с помощью которых можно было бы опровергнуть суждение о том, что все эти ценности реали-

¹⁷ Как было установлено в гл. V проекта Гражданского уложения, «воспитатель не пользуется правом представительства ребенка и управления его имуществом, если не назначен опекуном и попечителем». Составители объясняли такое решение тем, «что было бы неразумно наделять этими правами каждого, кто возьмет к себе приемыша» (Прибавление к проекту Гражданского уложения ... С. 38).

¹⁸ Касаткина А. Ю. Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 18—20.

зуются и в рамках отношений по фактическому воспитанию, которое в своем масштабном значении может иметь и более емкую характеристику как то социально-правовое явление, которое в разных жизненных ситуациях обеспечивает сохранение естественного семейного статуса ребенка¹⁹. С точки зрения социальных наук в этом виде воспитания заключен не только вид семейной солидарности в интересах ребенка, это еще и одна из форм воспроизведения семейных отношений во всей их внутренней изменчивости.

В связи со сказанным наиболее точным наименованием фактического воспитания для целей юридических дискурсов является понятие «фактическое семейное воспитание». Это тот вид и стиль социального воспитания, которое про ребенка, не лишенного родительского попечения, для ребенка, во благо ребенка и в интересах ребенка. Именно в целях недопущения разрыва семейной общности закон не считает такое воспитание просоциальным, оставляя свободу выбора родителям ребенка в том, быть или не быть этим отношениям в параллели с родительским воспитанием, а самому воспитателю — свободу принятия этих забот на себя. Порождаемые таким воспитанием последствия презюмируются позитивными, что с точки зрения гуманности выглядит нравственным и справедливым.

В своем социальном содержании и назначении фактическое воспитание ребенка фокусирует на себе все задачи семейного воспитания, беря свое начало в его позитивных социальных и нормативных образах. Последние сконцентрированы в том числе и в п. 2 ст. 96 СК РФ, в котором указано на «надлежащее воспитание» как одно из условий возникновения односторонних алиментных обязательств в пользу фактического воспитателя. В этом нормативном понятии заключены признаки обычно ожидаемого от такого вида воспитательного взаимодействия.

На этот прием юридической техники не столь часто обращают внимание в доктрине

при исследовании проблем фактического воспитания, порождая далеко не бесспорные суждения о том, что «остается нерешенным вопрос о правах и обязанностях фактических воспитателей по отношению к воспитываемому ими ребенку. Очевидно, что фактические воспитатели осуществляют родительские права, перечень которых предусмотрен СК РФ. Однако отсутствие прямого указания закона в этом случае позволяет путем толкования норм выявить лишь некоторые из этих прав»²⁰.

Нельзя не признать того факта, что нормативность здесь предстает не в традиционном виде, то есть не в виде классической системы требований как фиксированного перечня юридических прав и обязанностей. В данном случае это и не нужно. Нормативность для таких ситуационных состояний, к которым относится фактическое воспитание, воспроизводится на уровне принципов семейного законодательства, общих положений отдельных институтов и конструкций, а также всех социально-культурных достижений в сфере семейного воспитания. Выбор законодателем такого вида юридического сопровождения предопределен сущностными признаками фактического воспитания.

Подтверждение верности такого положения отыскивается в судебной практике, где словосочетание «надлежащее воспитание» трактуется как добросовестное воспитание²¹. Правоприменитель исходит из того, что современный социальный мир базируется на восприятии обществом стандартов добросовестности, в том числе и в сферах воспитательных. Это уже не просто слепая отсылка к родительским правам и обязанностям, это всеобщий принцип осуществления прав и обязанностей. Такое понимание факта восприятия судебной практикой признака надлежащего воспитания свидетельствует о том, что какого-либо формально-логического пробела по отношению к правам и обязанностям фактического воспитателя в законе нет.

В теории права справедливо отмечено, что «уровни понимания и существования права —

¹⁹ В этом смысле весьма актуален аргумент из Декларации прав ребенка 1959 г. (ч. 2 ст. 25): Принцип 6. Ребенок, для полного и гармоничного развития его личности, нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности (см.: Права человека. Основные международные документы : сб. док. М. : Междунар. отношения, 1989. С. 134).

²⁰ Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье ... С. 115.

²¹ Информационное письмо об актуальных вопросах рассмотрения споров об алиментах, утв. Президиумом Свердловского областного суда 23 октября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

это не только то, что выражено в его догме как нормативной формуле, то есть не лишь то, что явно закреплено в его конкретной норме. Это в том числе и невидимое, но существующее на уровне смысла, ценности, основных начал соответствующей отрасли»²². И то, и другое, и третье в семейном законодательстве представлено в полной мере в виде схематизации семейно-правового регулирования. Другое дело, что модели такого «использования “неочевидного” потенциала действующего законодательства»²³ могут и должны иметь более явные маркеры в семейном законодательстве. Надежда на это есть. Ведь Концепция совершенствования семейного законодательства Российской Федерации еще не принята.

Так сложилось в науке семейного права, что те сущностные качества фактического воспитания, на которые мы указали в рамках феноменологического подхода, крайне мало обсуждаются в науке, а раз не обсуждаются, значит, и не отрицаются. Но гораздо хуже то, что не артикулируются. Это означает одно: предпонимание того, что в основе фактического воспитания лежат традиции семейного воспитания, признаваемые в любом развитом правовом порядке, в доктрине отсутствует. Только этим можно объяснить тот факт, что исследование проблемы практически всегда происходит в отрыве от конституционной идеи о том, что семейно-правовая действительность базируется на восприятии обществом цивилизованных стандартов семейного воспитания. В этом смысле более убедительной и исторически последовательной выглядела позиция ученых советского

периода, утверждавших, что «в фактическом воспитании, как правило, реализуются все родительские правомочия, кроме охранительного правомочия защиты родительских прав»²⁴. Это давало объективный посыл к пониманию того положения, при котором научное знание об отношениях по фактическому воспитанию несовершеннолетнего не ставилось в автономное положение от вопросов естественного семейного воспитания.

В современной доктрине идею о фактическом семейном воспитании наиболее последовательно транслирует в своих работах Е. А. Татаринцева²⁵. Другие авторы исследуют ее как один из аспектов всей семейно-правовой проблематики²⁶. Однако преобладающими являются труды, тяготеющие к «тону и фону» исследований, ориентированных на проблемы детей-сирот или детей, оставшихся без родительского попечения²⁷, с сопровождающими их сконструированными видами социального родства, которым негласно присваиваются качества родственности с фактическим воспитанием. Есть и явно ошибочные научные суждения, уходящие дальше границ вопроса о соотношении фактического воспитания с прочими формами «как бы» семейного воспитания. Авторы таких исследований сосредотачивают свое внимание на частных и прагматических аспектах фактического воспитания внутри тематики, предметом которой является защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, тем самым необоснованно уводя проблему такого воспитания в плоскость охранительной тематики²⁸.

²² Веденеев Ю. А. Юриспруденция: между догматическим наследием и языком новой аналитики // *Lex russica*. 2019. № 4 (149). С. 42.

²³ Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 5 (78). С. 41—45.

²⁴ Короткова Л. Н. Указ. соч. С. 83—84.

²⁵ Татаринцева Е. А. Фактическое воспитание как основание возникновения семейных правоотношений. С. 113—123 ; Она же. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье ...

²⁶ Манакова Р. П. Указ. соч. С. 30—34.

²⁷ Кузнецова Е. В. К вопросу о формах устройства детей, оставшихся без попечения родителей // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 4. С. 248—258 ; Батурина Н. И., Медведева И. М. Указ. соч. С. 49 ; Аблятипова Н. А. Институт фактического воспитания в семейном праве Украины // *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского*. Серия : Юридические науки. 2009. Т. 22 (61). № 1. С. 122—128.

²⁸ Королев Ю. А. Комментарий к семейному кодексу (пост.). М. : Юстицинформ, 2003 ; Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В. Гражданское право : учебник. М. : Велби, 2010. Т. 3. Ч. 2 ; Матвеев П. А. Особенности правового регулирования воспитательной деятельности в замещающей семье // *Молодой ученый*. 2010. № 6. С. 242 ; Алферова О. С. Правовое положение фактических воспитателей // Семейное право на рубеже XX—XXI веков: к 20-летию Конвенции о правах ребенка : материалы Между-

Подобный подход как минимум противоречит проиллюстрированным в настоящей статье историческим данностям фактического воспитания, вся история которого являет собой длительный процесс формального отделения вариантов семейного содержания детей (кровное родство, искусственное сыновство, узаконение) от всевозможных форм общественного призрения детей, оставшихся без родительского надзора. Лишь пришедшая со временем зрелость институтов общественного призрения (конец XIX — начало XX в.), существенно потеснивших частную и церковную благотворительность, помогли дореволюционному законодателю отделить фактическое воспитание от ситуаций сиротства, обездоленности, бедности и нищеты. Более критично то, что подход, основанный на неразделенности позитивно регулятивных явлений темы детства и явлений охранительной направленности, вступает в противоречие с феноменологическими сущностями фактического воспитания.

Подобное положение является следствием отсутствия в науке семейного права той очевидной установки, согласно которой фактическое воспитание — это явление, производное от естественного семейного воспитания, его параллель, а в некоторых случаях его временная альтернатива. Отсутствие рефлексии на эту установку весьма ощутимый источник методологической уязвимости темы. Но не только. Это еще и катализатор представлений о ненадежности такого воспитания, неоправданного недоверия, а иногда и явной подозрительности к его существованию в социуме. Таких негативных и полунегативных представлений как в обыденной жизни, так и в научных представлениях хватает.

Таким образом, собственно, значимым пунктом фактического воспитания является тот, что эта проблема про естественную семью, производные от нее семейные и околосемейные узы и, конечно, про ребенка, не отделенного фактами неблагополучия от процесса естественного семейного воспитания. Этот значимый методологический пункт для исследования проблем фактического воспитания сигнализирует о том, что проблема фактического воспитания лежит

в лоне проблематики семейного воспитания, а не между семейным воспитанием и формами учрежденческой защиты детства, как это часто сегодня позиционируется в науке.

Очевиден тот факт, что, как и любое социальное явление, фактическое воспитание имеет собственную (внеправовую) грамматику. Этот факт в гносеологической практике юридического познания фактического воспитания явно недооценен, следствием чего является невос требованность междисциплинарных «трудозатрат» по проблемам «сводных семей», «нерезидентного родительства» и всех современных социально-семейных трансформаций семьи (гостевая семья, бесформенная, сетевая, матричная, пэчворк), порождающих явления фактического воспитания в обществе.

Ближайшими соседями юриспруденции на этом пространстве являются социология, психология, педагогика, выступающие флагманами темы детствосбережения и трансформации семьи в современном мире. Исторические и современные достижения этих отраслей науки служат необходимым контекстом для семейно-правовой науки, граничат с ней. Их эмпирический материал о личном и казуистичном характере фактических отношений, множественности и неоднородности социальных поводов для их возникновения, явочная добровольность возникновения и трудности административной фиксации этих фактов неизбежно влияют на аналитику юриспруденции. Внимание ее представителей к этим выводам способно придать объективность оценке сегодняшней законодательной точке зрения на отношения по фактическому воспитанию.

Достижения социальных наук по проблемам, находящимся в тесной связи с правовой проблемой фактического воспитания в вопросах трансформации института семьи, в структуре которого меняются не только характеристики воспроизводства населения, типологии родительства (биологическое, социальное, смешанное)²⁹ и множатся виды социальных и юридических практик³⁰, явно недооценены. Как и междисциплинарные научные выводы о плюрализме социальных практик, направленных на

народной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. М. : Статут, 2011. С. 315.

²⁹ Саралиева З. Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (34). С. 118—123.

³⁰ Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 2. С. 4.

«сохранение целого при преобразовании его составных частей»³¹, указывающие на сводное родительство как на «один из элементов современной семейной системы», отвечающий требованиям модернизации общества и сфер его жизнедеятельности³². Все эти достижения неправовых наук, находя вполне удовлетворительное объяснение в околоправовых сферах, мало влияют на научные юридические взгляды о фактическом воспитании.

Обозначенная нами междисциплинарная картина теснит сугубо догматические представления о фактическом воспитании в юриспруденции. Привычный позитивистский подход, при котором доктрина в своих построениях исходит из норм позитивного права, используя все доступные методы формальной логики, обретает и признаки необъективности из-за нечувствительности к выводам других гуманитарных наук. А поскольку суть юридической проблемы фактического воспитания заключается не в оценке эффективности существующего позитивного регулирования, которое в рамках данной проблемы отсутствует, а следовательно, не связано с совершенствованием приемов юридической техники, то установок догматической юриспруденции оказывается явно недостаточно.

Подобное положение объективно предпосылает смещение исследовательского потенциала в сторону иного подхода, который был бы способен выполнить роль вектора движения, легализующего приемы и способы, отражающие сущностные признаки фактического воспитания. В доктрине семейного права подобный методологический инструментарий признается полезным для исследования семейно-правовых проблем³³, но к проблеме фактического воспитания он пока не приблизился.

Общеизвестно правило о том, что любой закон должен толковаться на фоне ценностей системы, а эволюционные помыслы о праве должны быть связаны с теоретическими представлениями о целостной картине обществен-

ной жизни. Для юриспруденции это требование предстает в виде необходимости учета происходящих в современном мире социальных изменений, возникновения новых общественных явлений, их исторической модификации и приспособления существующих общественных явлений и процессов к новым социально-экономическим условиям. Это явно просматриваемое влияние серьезных трансформаций на институты семейного права вряд ли можно объяснить лишь сквозь призму догматики. И уж совсем нельзя предвидеть его последствия: что оно изменит и будет ли новое решение лучше последствий принятия другого решения.

Не менее важно учитывать концептуальные и содержательные основы государственной семейной политики, формирующейся в условиях поликультурного пространства России. Отношения по фактическому воспитанию — это тот случай, когда право не способно проникнуть во все уголки семейных отношений, тем более неявные, часто случайные, непостоянные, иногда даже неуловимые с точки зрения их встроенности в общий круг семейных отношений. Кроме нормативно-смысловых ориентиров, это явление для своей внутренней упорядоченности должно иметь и такие внешние ориентиры, которые заложены в общей семейно-правовой политике страны.

В свое время политико-правовой подход оценил Л. И. Петражицкий, указав, что задача политики права — в предоставлении законодателю возможности «сознательно и разумно руководить правопроизводством»³⁴. Не менее убедительными на этот счет были и высказывания Г. Ф. Шершеневича, сводившего политику права к трем последовательным моментам: 1) сознанию неудовлетворенности действующим порядком в целом или в его частях; 2) постановке идеала как цели, в направлении которой должны проводиться преобразования права; 3) изысканию мер для перехода от существующего к желательному³⁵.

³¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 136.

³² Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. : Петрополис, 1998. С. 241—242.

³³ См.: Левушкин А. Н. Методология науки семейного права в системе методологии юридической науки // Роль и значение юридической науки в развитии общества : сборник материалов круглого стола (11 декабря 2015 г.). М. : Проспект, 2016. С. 79.

³⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / отв. ред. И. Ю. Козлихин, Ю. А. Сандулов. СПб. : Лань, 2000. С. 352.

³⁵ Шершеневич Г. Ф. Революция и Гражданское уложение // Еженедельная юридическая газета. 1906. № 1. С. 8—12.

Современная эвристическая значимость этого подхода применительно к исследованию проблем фактического воспитания заключается в том, что, в отличие от формально-догматического подхода, он изучает не столько существующее право, сколько то право, каким оно должно быть с учетом существующих политических подходов к его развитию. Поэтому не следует считать, что выдвижение политико-правового подхода к исследованию явления фактического воспитания устраняет, а не дополняет правовую догматику. Это тот легализованный повод, который не только призывает к системному толкованию семейно-правовых принципов и норм о воспитании, но и дает возможность помыслить в рамках этой проблемы не только догматически, но и прагматически — так, как мыслит законодатель, отказывающийся идти по пути создания абстрактной нормативной модели фактического воспитания, которая бы содержала адресные предписания фактическому воспитателю о его правах и обязанностях.

Собственно, в этом и состоит суть теоретической проблемы фактического воспитания. Ведь если такого пространства нет, то достаточно обращаться международными и национальными императивами, предписывающими обязанность всякого государства обеспечить ребенку в первую очередь естественное семейное пространство для воспитания, а в случае угрозы его утраты принять все возможные меры для его сохранения в интересах ребенка.

Заключение

Научные взгляды на проблему фактического воспитания в части ее догматического состо-

яния во многом зависят от подхода, который выбирает исследователь. Если подходить к проблеме с тех позиций, что это не декларируемая государством социальная ценность и один из вариантов семейной солидарности, повышающий потенциал семьи, то исследовательская мысль, пусть и не без критики, пойдет в сторону объективной оценки существующего законодательного решения.

При этом в поле зрения исследователя неизбежно попадут тесно взаимосвязанные с ним другие социальные явления, конструкции и институты, способствуя адекватному научному восприятию этой теоретической конструкции в юриспруденции.

Если на первое место поставить «вынужденность» в обретении статуса фактического воспитателя, не считаться с его феноменологическими сущностями, видя в нем преобладание охранительного назначения, то законодательная нейтральность, выраженная в отсутствии адресной регулятивной статистики, может быть только доктринально осуждена.

Будучи убежденным в том, что реальная часть научного и нормативного потенциала для решения проблем фактического воспитания лежит в уже существующих нормах СК РФ, автор является сторонником первого подхода, искренне полагая, что суждения о правовой бесформенности отношений по фактическому воспитанию серьезно преувеличены.

Допустимый объем статьи не позволил остановиться на таком аспекте фактического воспитания, как наличие или отсутствие пространства правовой неопределенности, влияющего на права фактического воспитанника. К этому аспекту проблемы автор намерен обратиться в следующей статье.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аблятипова Н. А.* Институт фактического воспитания в семейном праве Украины // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия : Юридические науки. — 2009. — Т. 22 (61). — № 1. — С. 122—128.
2. *Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В.* Гражданское право : учебник. — М. : Велби, 2010. — Т. 3. Ч. 2.
3. *Алферова О. С.* Правовое положение фактических воспитателей // Семейное право на рубеже XX—XXI веков: к 20-летию Конвенции о правах ребенка : материалы Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г. — М. : Статут, 2011. — С. 313—315.
4. *Батурина Н. И., Медведева И. М.* Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД РФ. — 2018. — № 1 (44). — С. 47—53.

5. Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5 (78). — С. 41—45.
6. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Lex russica. — 2019. — № 4. — С. 31—55.
7. Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Правоведение. — 1992. — № 5. — С. 98—102.
8. Воронина З. И. Правовые формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1993. — 234 с.
9. Герасимов В. Н. Приоритет семейного воспитания как принцип семейного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 22 с.
10. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб. : Петрополис, 1998. — 272 с.
11. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М. : Статут, 1999. — Т. 3. — 560 с.
12. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПС «Гарант», 2018.
13. Гуляева Н. И. Семейно-правовое регулирование отношений между ребенком и другими членами семьи, не являющимися его законными представителями : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 172 с.
14. Касаткина А. Ю. Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 1. — С. 18—20.
15. Королев Ю. А. Комментарий к семейному кодексу (постатейный). — М. : Юстицинформ, 2003. — 416 с.
16. Короткова Л. Н. Правовой статус фактического воспитателя детей // Правоведение. — 1983. — № 3. — С. 82—85.
17. Косенко Е. В. Средства и методы научного познания семейного права // Вестник Пермского университета. Серия : Юридические науки. — 2015. — № 3 (29). — С. 107—115.
18. Кузнецова Е. В. К вопросу о формах устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2009. — № 4. — С. 248—258.
19. Левушкин А. Н. Методология науки семейного права // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. научных статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2016. — С. 116—126.
20. Левушкин А. Н. Методология науки семейного права в системе методологии юридической науки // Роль и значение юридической науки в развитии общества : сборник материалов круглого стола (11 декабря 2015 г.). — М. : Проспект, 2016. — 160 с.
21. Левушкин А. Н., Чепурная К. А. Методология исследования брачно-семейных отношений // Юридическая наука и практика. — 2016. — № 1. — Т. 12. — С. 73—78.
22. Манакова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 4. — С. 26—42.
23. Матвеев П. А. Особенности правового регулирования воспитательной деятельности в замещающей семье // Молодой ученый. — 2010. — № 6. — С. 238—246.
24. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / отв. ред. И. Ю. Козлихин, Ю. А. Сандулов. — СПб. : Лань, 2000. — 608 с.
25. Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. — 2015. — Т. 7. — № 2. — С. 1—11.
26. Саралиева З. Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (34). — С. 118—123.
27. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для вузов. — М. : Юрайт, 2019. — 218 с.
28. Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве. — М. : Юстицинформ, 2018. — 134 с.
29. Татаринцева Е. А. Фактическое воспитание как основание возникновения семейных правоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Право. — 2014. — № 4. — С. 113—123.
30. Усачева Е. А. Социальное отцовство (материнство): постановка проблемы // Российский юридический журнал. — 2019. — № 6. — С. 115—120.
31. Шершеневич Г. Ф. Революция и Гражданское уложение // Еженедельная юридическая газета. — 1906. — № 1. — С. 8—12.
32. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 416 с.

Материал поступил в редакцию 30 марта 2020 г.

REFERENCES

1. Ablyatipova NA. Institut fakticheskogo vospitaniya v semeynom prave Ukrainy [Institute of Actual Education in Family Law of Ukraine]. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science. Series: Legal Sciences*. 2009;22(61)(1):122—128. (In Russ.)
2. Abramova EN, Averchenko NN, Baigusheva YuV. Grazhdanskoe pravo : uchebnik [Civil law: A Textbook]. Vol. 3. Part 2. Moscow: Welby publ; 2010. (In Russ.)
3. Alferova OS. Pravovoe polozhenie fakticheskikh vospitatelei [Legal status of the actual educators]. *Family law at the turn of the 20th — 21st centuries: The 20th anniversary of the Convention on the Rights of the Child: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Kazan: Kazan (Volga) Federal University. [December 18, 2010]. Moscow: Statute; 2011. (In Russ.)
4. Baturina NI, Medvedeva IM. Osnovaniya vzniknoveniya otnosheniy po fakticheskomu vospitaniyu rebenka i krug lits, otnosyashchikhsya k fakticheskim vospitatel'nyam po Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [The basis of the relationship on the actual upbringing of a child and the circle of persons belonging to the actual educators under the Family Code of the Russian Federation]. *Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 2018;1(44):47—53. (In Russ.)
5. Bulayevskiy BA. Kontseptsiya sovershenstvovaniya semeynogo zakonodatelstva kak neobkhodimost [The Concept of Improvement of Family Legislation as Necessity]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2017;5(78):41—45. (In Russ.)
6. Vedeneev YuA. Yurisprudentsiya: mezhdug dogmaticheskimi naslediyami i yazykom novoy analitiki [Jurisprudence: between dogmatic heritage and the language of new analytics]. *Lex russica*. 2019;4:31—55. (In Russ.)
7. Voronina ZI. Institut fakticheskogo vospitaniya v semeynom prave [Institute of Actual Parenting in Family Law]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1992;5:98—102. (In Russ.)
7. Voronina ZI. Pravovye formy vospitaniya detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ey : dis. ... kand. yurid. nauk [Legal forms of raising children without parental care]. Cand. Sci. (Law) Thesis. St. Petersburg; 1993. (In Russ.)
9. Gerasimov VN. Prioritet semeynogo vospitaniya kak printsip semeynogo prava : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The priority of family education as a principle of family law: Author's Abstract]. Moscow; 2006. (In Russ.)
10. Golod SI. Semya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Family and marriage: historical-sociological analysis]. St. Petersburg: Petropolis; 1998. (In Russ.)
11. Sergeev AP, Tolstoy YuK, editors. Grazhdanskoye pravo [Civil law]. Vol. 3. Moscow: Statute; 1999. (In Russ.)
12. Grishaev SP. Postateynnyy kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Article-by-article Commentary to the Family Code of the Russian Federation]. 2nd ed., rev. and suppl. Law Reference System (SPS) "Garant"; 2018. (In Russ.)
13. Gulyaeva NI. Semeyno-pravovoe regulirovanie otnosheniy mezhdug rebenkom i drugimi chlenami semi, ne yavlyayushchimisya ego zakonnyimi predstavitel'yami : dis. ... kand. yurid. nauk [Family and legal regulation of relations between the child and other family members who are not his legal representatives: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2006. (In Russ.)
14. Kasatkina AYU. Semeynnye tsennosti v doktrine semeynogo prava i semeynogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [Family Values in the Doctrine of Family Law and Family Legislation of the Russian Federation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo [Family and Housing Law]*. 2020;1:18-20. (In Russ.)
15. Korolev YuA. Kommentariy k semeynomu kodeksu (postateynnyy) [Commentary to the family code (article-by-article)]. Moscow: Yustitsinform; 2003. (In Russ.)
16. Korotkova LN. Pravovoy status fakticheskogo vospitatel'ya detey [Legal status of the actual educator of children]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1983;3:82-85. (In Russ.)
17. Kosenko EV. Sredstva i metody nauchnogo poznaniya semeynogo prava [Means and methods of scientific cognition of family law]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2015;3(29):107—115. (In Russ.)
18. Kuznetsova EV. K voprosu o formakh ustroystva detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ey [On the question of forms of placement of children without parental care]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2009;4:248—258.
19. Levushkin AN. Metodologiya nauki semeynogo prava [Methodology of the science of family law]. In: Gabov AV, Golubtsov VG, Kuznetsov OA, editors. Methodological problems of civilistic studies: collection of scientific articles. Moscow: Statute; 2016. (In Russ.)

20. Levushkin AN. Metodologiya nauki semeynogo prava v sisteme metodologii yuridicheskoy nauki [Methodology of the science of family law in the system of methodology of legal science]. In: The role and importance of legal science in the development of the society: a collection of proceedings of the round table (December 11, 2015). Moscow: Prospekt; 2016. (In Russ.)
21. Levushkin AN, Chepurnaya KA. Metodologiya issledovaniya brachno-semeynykh otnosheniy [Methodology of studying of matrimonial relations]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 2016;1(12):73-78. (In Russ.)
22. Manakova RP. Poyasnitelnaya zapiska k kontseptsii proekta novogo Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Explanatory note to the concept of the draft new Family Code of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2012;4:26—42. (In Russ.)
23. Matveev PA. Osobennosti pravovogo regulirovaniya vospitatelnoy deyatel'nosti v zameshchayushchey seme [Peculiarities of the legal regulation of educational activity in a substituting family]. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*. 2010;6:18-32. (In Russ.)
24. Petrazhytskiy LI., Kozlikhin IYu, Sandulov YuA, editors. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nraustvennosti [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. St. Petersburg: Lan; 2000. (In Russ.)
25. Polivanova KN. Sovremennoe roditelstvo kak predmet issledovaniya [Modern Parenthood as a subject of research]. *Psychological Science and Education*. 2015;7(2):1-11. (In Russ.)
26. Saralieva ZKh. Subinstitut roditelstva v sovremennykh semeynykh sistemakh [Subinstitute of Parenthood in Modern Family Systems]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014;2(34):118—123. (In Russ.)
27. Tarasov NN. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: metodologicheskie problemy yurisprudentsii : uchebnoe posobie dlya vuzov [History and Methodology of Legal Science: Methodological Problems of Jurisprudence: A Textbook for Universities]. Moscow: Yurayt; 2019. (In Russ.)
28. Tatarintseva EA. Modeli pravootnosheniy po vospitaniyu rebenka v seme i tendentsii ikh formirovaniya v natsionalnom semeynom prave [Models of legal relations on the upbringing of a child in the family and the tendencies of their formation in the national family law]. Moscow: Yustitsinform; 2018. (In Russ.)
28. Tatarintseva EA. Fakticheskoe vospitanie kak osnovanie vozniknoveniya semeynykh pravootnosheniy [Actual education as the basis of the emergence of family legal relations]. *Herald of TvSU. Series: Law. Tver State University*. 2014;4:113—123. (In Russ.)
30. Usacheva EA. Sotsialnoe otsovstvo (materinstvo): postanovka problemy [Social paternity (maternity): setting the problem]. *Russian Juridical Journal*. 2019;6:115—120. (In Russ.)
31. Shershenevich GF. Revolyutsiya i grazhdanskoe ulozhenie [Revolution and Civil Law Code]. *Ezhenedelnaya yuridicheskaya gazeta*. 1906;1:8-12. (In Russ.)
32. Shtompka P. Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy [Sociology of Social Changes]. Yadov VA, tr. and editor. Moscow: Aspekt Press; 1996. (In Russ.)